

ЭКЛЕР С ЯДЕРНОЙ ПЫЛЬЮ

Алексей Корнелюк

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алексей Корнелюк
Эклер с ядерной пылью

«Автор»

2026

Корнелюк А.

Эклер с ядерной пылью / А. Корнелюк — «Автор», 2026

Прошлое стёрто. Все, кто жили на поверхности, развеяны ядерным пеплом. В глубине острова Сахалин спрятан бункер. Имя ему — Оазис. Десятки лет они налаживали быт и строили идеальное общество, где каждый на своём месте, а значит, нет зависти и злости. Каждый член бункера занимается своим делом. Призванием? Предназначением? Этот вопрос мучил Паркера... стража Оазиса. Возможно, он выбрал профессию по ошибке. Или сама система не столь идеальна? Любопытство — вот что заставляет сделать первый шаг по направлению к правде. Подняться на поверхность и встретиться с новыми формами жизни. Познать себя и ответить на главный вопрос: в чём наша истинная цель на земле? Рекомендуем фанатам книг: «О дивный новый мир», «Метро 2033» и «451 градус по Фаренгейту».

© Корнелюк А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	19
Глава 8	21
Глава 9	24
Глава 10	26
Глава 11	28
Глава 12	30
Глава 13	32
Глава 14	34
Глава 15	37
Глава 16	39
Глава 17	41
Глава 18	43
Глава 19	45
Глава 20	47
Глава 21	49
Глава 22	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Алексей Корнелюк

Эклер с ядерной пылью

Пролог

До выхода на сцену остались считанные секунды. Ведущий сделал последнюю разминку для речевого аппарата. Попрыгал несколько раз, прогоняя адреналин по крови, тряхнул головой и решительно вышел на сцену. Софиты ослепили его, и, забыв о всяком приветствии, он приступил к делу.

– Минуту ровно 50 лет, когда земной шар содрогнулся единым нажатием на красные кнопки лидеров мировых держав.

Щёлк – и всё.

Обдуманно ли? Взвешено ли?

Увы, джинна в бутылку обратно не загонишь, как и выпущенные с атомных подводных лодок ракеты.

Как мало надо, чтобы один палец – раз! – и стёр атомным ластиком мегаполисы с контурной карты.

Второй палец тоже в долгу не остался и ткнул в свою красную кнопку.

Вот она – сила пальца.

Вот она – сила кнопочки!

...Ведущий кашлянул в микрофон.

– Ну да ладно, что я вам рассказываю, всё это вы и так прекрасно знаете... – протирает платочком испарину на лбу. – Итак... поприветствуйте последнего выжившего комика.

В зале раздались невпопад выпущенные сухие хлопья.

Ведущий развернулся на лакированных каблучках и скрылся за сценой. Убедившись, что микрофон выключен, он подошёл к комику.

– Да, публика тухляк. Нелегко тебе будет расшевелить её.

Комик в этот момент ковырял зубочисткой клык. Он всем своим видом говорил о том, что важнее этого застрявшего кусочка ничего нет.

...Ну и тип...

Ведущий передал стендаперу микрофон и удалился в гримёрку, мысленно посетовав, что зря он не послушал матушку и не устроился на нормальную работу.

Комик подошёл к барному стулу, спрятанному за ширмой, и с мерзким скрипом – «Вжжжжж» – потащил его на сцену, оставляя царапины на полу. Не заботясь о том, как у него топорщится рубашка, или о том, что волосы он мыл примерно неделю назад, или что он изрядно надрался и перед тем, как сесть на высокий барный стул, рыгнул в кулак. Микрофон случайно включился, и отрывка, подхваченная аппаратурой клуба, разнеслась по помещению.

– Сорри, это не входило в программу.

Комик, подставив ладонь козырьком, осмотрел публику... три... четыре... пять... шесть человек... негусто.

– Как настроение, народ?.. – мысленно просчитав до трёх, комик натянул свою привычную пофигистическую мину. – Вы заметили, что у людей прошлой эпохи было больше забот?

Одни только мысли о том, выключили ли они утюг из розетки, чего стоят... Вы, кстати, выключили утюг?

На переднем столике мужчина с толстым задом заёрзал по сидушке.

– Мы беспокоились о ГМО в продуктах, о микропластике в нашей воде, экологическом следе, глобальном потеплении, а сейчас... – комик ткнул микрофоном в потолок. – Бункер решил все наши проблемы. У всего есть свои плюсы. – запутавшись в шнуре, комик высвободил ногу и подошёл к краю сцены. – Вот вы, сэр.

Мужичок испуганно оглянулся через плечо.

– Да-да, я вам.

– Что?

– Помните эти замечательные деньки с ипотекой, кредитами и закладными? Зритель почесал густую бороду. Даже отсюда было слышно «шварк-шварк».

– Было дело.

– Дядя Сэм списал ваши долги, вы довольны?

– Эм...

– Давайте я подойду поближе и дам вам микрофон.

Комик спрыгнул в зал и подошёл к столу мужчины.

– Держите.

Мужик неловко взял микрофон, мысленно пожалев, что пришёл на этот дурацкий стендап-концерт «Эклер с ядерной пылью». Сидел бы дома себе...

– Сэр?

– Да. Долгов больше нет, – выдал он облако чесночного аромата.

– То-то же. Мы все обнулились. Как настройки на телефоне – снова вернулись к заводским параметрам, – комику приходилось нагибаться, чтобы говорить в микрофон.

– А где смеяться? – раздался голос, похожий на скрип дверных петель.

Комик обернулся. Вытащил из липких пальцев «сэра» микрофон.

– А надо ли? Я, знаете... тут на разогреве, перед основной историей. Чуть-чуть юмора, чтобы погрузить вас в лютый мрачняк.

– Но несмешно же... – опять заскрипела эта дверь.

Комик пожал плечами.

– Знаю. Но я единственный комик, который выжил и заселился в этот металлический застенок. Мне, знаете, тоже не до смеха. Какие времена – такие шутки... Вот вы думаете: а почему эклер и почему с ядерной пылью? Да?..

Зал не ответил. В помещение кто-то вошёл, пустив жёлтую полосу света, и тут же захлопнул дверь. Комик хотел провалиться в центр земли.

– Эклер – потому что раньше было вкусно. А ядерная пыль – это единственная начинка в наличии. Вот мы и хаваем.

– Так, я пошёл, – это голос петель. Он встал и, хрустя суставами, двинулся на выход. Перед тем как захлопнуть дверь, он громко, так чтобы все слышали, бросил:

– И название говно! Что, бля, за эклеры?!

Комик почистил мембрану микрофона от невидимых пылинок и, пожав плечами, сказал:

– Зато история интересная...

Он вернулся на сцену, сел на стул... окинул глазами публику и, прикрыв глаза, начал рассказ...

Глава 1

Этот момент Паркер любил так же, как ненавидел всё остальное.

За прозрачным непроницаемым стеклом на твёрдой скамье сидел рыжий, как потёртая корка апельсина, мальчик.

«Мальчик?» – ухмыльнулся про себя Паркер. – «Нет уж, скорее сорванец, от которого у всего шестого блока идут мурашки. Да уж, и не скажешь, что у этой веснушчатой мордашки есть столько ненависти».

– Не, ты представь, между тем как он запихнул кошку в вентиляционную трубу и сжёг продовольственный отсек, прошло два дня... Слышишь? Два дня...

Свонг – так звали его напарницу, с узкими, как две щели в копилке, глазами – только усерднее забрякала ложкой, размешивая чай.

– Включи ему фильм ещё раз.

– Ещё раз? – Паркер одарил её своим коронным вздохом, в котором все остальные слышали «как же вы меня достали», но у напарницы, казалось, был иммунитет на любое проявление раздражения и/или сарказма.

Фильм так фильм... Паркер прошёл к дальнему углу, где стоял старый ПК с пожелтевшим от сигаретного дыма пластиком, и, поковырявшись в папке, развернул образовательное видео.

– Звук, – не отрываясь от чая, бросила напарница.

– Да знаю, знаю... я что, по-твоему... – Паркер искал, где в новой версии ОС спрятан ползунок громкости. Прогеры в очередной раз обновили операционку, а ты стоишь как дурак и ищешь, где что...

Наконец из колонок после потрескивания появился звук, и картинка обрела голос. Голос, надо сказать, совсем не сочетающийся с внешностью диктора. Как у владельца такого мощного подбородка и лба был такой нежный, певучий тембр?

Парнишка по ту сторону прозрачной ширмы оживился... поёрзал на скамье и вперился в экран, будто видел видеофильм впервые.

«Вот актёр, а...» – подумал про себя Паркер и сунул руку в вазочку с ментоловыми конфетами.

«Добро пожаловать во взрослую и самостоятельную жизнь. В мир, где ты приобретёшь своё место, значимость и признание...»

...Паркер зашуршал фантиком, почувствовав на себе острый, как зубочистка, взгляд напарницы.

– Лови.

Запульнув в неё две конфетки, он в очередной раз удивился её реакции. Скорости, с которой Свонг на лету хватала предметы. Не пролив чая.

«... в твоей реализации тебе помогут проявить себя три медиатора. Каждый из них будет работать с тобой по очереди. Но помни главное, мой юный друг...» – диктор подмигнул и, поправив закрученную по локоть клетчатую рубашку, продолжил: «Твой генетический тест предрасположенностей выдаёт три самые подходящие для тебя профессии. У тебя есть три попытки. Чтобы перейти к следующей, ты должен отказаться от предыдущей.»

– ...Знаешь, я что не пойму? Почему это видео не перезапишут? Оно же нудное, – начал было Паркер, но тут же, обшिकанный напарницей, вернулся к катанию мятной конфетки по нёбу.

«Не выбрав ни одну из реализаций...» – тут диктор стал серьёзнее, его веки сузились так, что глаза стали напоминать миндалинки, да и сам он подался вперёд, – «... ты ставишь крест на жизни в нашем обществе. Ссылка на остров пустоши без права возврата.»

Паркер мельком поглядывал на паренька, зная, что он уже отбросил двух медиаторов, и у него осталась лишь одна попытка... закрепиться в этом расчудесном месте.

«Не подведи меня, родителей и общество! Я верю в тебя!» – ещё одно подмигивание, и видео остановилось, скрывшись на рабочем столе.

– Знаешь, он же совсем не боится.

– А ты разве боялся?

– Я выбрал профессию копа с первой попытки – поводов для испуга не было. Но он же... хм... – Паркер потянулся к стакану напарницы, но та, не глядя на него, всё отодвигала и отодвигала стакан... – он же, считай, на краю.

– Вот именно поэтому тебе нужно проводить его и дать напутственную речь.

Губы Паркера сделали звук «пррр».

– Что? Я? Нет, я молоток, а молотки могут забивать только гвозди! Какой из меня толкатель речей?

Паркер подошёл к невидимой перегородке и, почесав затылок, уставился на волнистые медные кудряшки пацана. Волосы, отдалённо похожие на гребни волн. За уши его, что ли, оттянуть?..

«Ладно» – подумал про себя Паркер. Отвести-то он отведёт, но только потому, что ему по пути... и он будет молчать. С детьми только так: либо переходишь на рык, отвечивая подзатыльники, либо игнорируешь их.

Взявшись за ручку, Паркер, владеющий острым нюхом на неприятности, на этот раз ничего не учуял.

А зря...

Буквально за поворотом в его понятном, привычном распорядке добросовестного стража образовалась трещина.

Глава 2

– На выход, разбойник.

Мальчуган качнул головой в сторону Паркера, облокотившегося на стык двери. Встал... Из-под балахонистого костюма мышинного цвета выпирали ключицы, а из рукавов торчали тонкие ручонки. Доходяга... Пройдя мимо Паркера, тот еле доставал до высоты его плеч. И что с ним, спрашивается, делать? Эх...

Паркер шёл позади, разглядывая неуклюжую, но такую напряжённую фигурку пацана. Устав запрещал использовать силу по отношению к неопределившимся подросткам. Тогда что? Цацкаться?

Паркер цокнул языком, решив, что лучше просто промолчит, а он сам как-нибудь... Да и прыги, честно говоря, поубавилось.

По-настоящему свободно Паркер чувствовал себя только в кабинете. В месте, где он мог быть собой, а не натягивать маску, скалясь белозубой улыбкой членам общества. Не попадающие в ритм шаги по металлическому полу отдаляли от его личной крепости. Как рак-отшельник, покинувший свою скорлупу, он нехотя выходил в мир, оставляя позади истёртые, тёмные, оббитые жестью стены. В мир, где каждый занят своим делом.

Паркер под скрип двери, разделяющей отдел правосудия и внешний мир, вспомнил рассказы попечителей. О том, как раньше, до рождения нового мира, люди страдали одиночеством даже в громадных городах... Паркеру не верилось, что были места, где жило 2... 3... или 5 миллионов человек, не говоря уже о большем количестве. Что за муравейник...

Сейчас же, когда каждый занят своим делом, МЫ (да, попечители часто использовали МЫ в своих рассказах) счастливы. Что ж, если это счастье... Паркер готов его принять. Смириться с ним, но в глубине души он чувствовал себя немного лишним, как сломанная игрушка, по случайности попавшая в магазин.

Может, так и должен себя чувствовать прирождённый страж закона? Коктейль из раздражительности, мнительности и ярости? Что ж, вот такой уж Паркер, ничего не поделаешь. Однако на своём месте.

После отдела правосудия следом шёл отдел бессмертных знаний. Полки с книгами создавали ощущение лабиринта, в котором непосвящённый обязательно заблудится...

Надо сказать, запах и суэта, вечно царящие в секторе знаний, Паркеру нравились. Тут жизнь словно искрилась любознательностью, оставаясь при этом упорядоченной. Книги были разделены по секциям, и к каждой полке была приставлена складная лестница. Это позволяло, так сказать, получать вертикальные знания. Выбрав профессию, ты имел право взбираться по лестнице и оттачивать своё мастерство.

Паркер вспомнил, как он сам около трёх дней изучал запутанную планировку книжного хранилища. Даже таблички с указателями не всегда помогали.

Врезавшийся в живот шалопай уронил книгу и, подтянув съехавшие на переносицу очки, вывел Паркера из воспоминаний.

– Простите, – смущённо проблеял малец, увидев яркий жетон на груди стража.

Паркер помог ему встать, и, передавая книгу мальчику, успел прочитать на обложке: «Основы изобразительного искусства». Да, выпадает же кому-то живопись. Что ж, если это делает его счастливым – почему нет?

Подростки колониями слонялись вдоль полок и жадно тащили приглянувшиеся книги.

Развернувшись, Паркер вспомнил, что кое-что упустил. А точнее – кого-то. И этот кто-то уже незаметно улизнул, растворившись в книжном лабиринте. Выругавшись, Паркер поспешил к библиотекарю, знающему каждый закуток, как свои редкие волоски на почти лысом черепе.

Но библиотекаря на месте не оказалось. Что было совсем странно. Тогда, самостоятельно проходя лабиринт, Паркер вышел за угол очередного книжного прохода и столкнулся с библиотекарем. Увидев его растерянный, испуганный вид, Паркер напрягся. В лице библиотекаря, сколько он его знал, обычно не было ничего, кроме безмятежности.

Воровство и порча книг карались законом. А значит, самое страшное, что могло произойти, – это...

Глава 3

...исчезновение книг.

– Где? – угрюмо спросил Паркер.

Следовать за юркой фигурой библиотекаря в пыльном книжном лабиринте всё равно что пытаться угнаться за рыбой в месте её обитания. Повороты, повороты, повороты... Мантия библиотекаря водопадом складок сползала до самых пят. Герб змеи, клубком лежащей на раскрытой книге, был символом. Доблестным знаком, переходящим от одного библиотекаря к другому.

Случайных людей в этих отдалённых катакомбах не встретить. Здесь полки предназначались для самых редких профессий. Знахари, шаманизм, мануальные терапевты... для Паркера это были фрики, не принимающие устав и расхаживающие в цветастых одеждах. Пылинка, попавшая в глаз чистого, незамутнённого глаза общества.

– Пришли...

Переведя взгляд от запыхавшегося библиотекаря к пальцу, указывающему на большой промежуток на стеллаже, Паркер присмотрелся... Речь шла не об одной пропавшей книге, а о целой полке. Слово её никогда здесь не было. Исчезла, оставив пустое пыльное пятно.

– Когда вы обнаружили пропажу?

– Сегодня утром.

Законник придавил его взглядом:

– Почему не доложили раньше?

– Я как раз это и собирался сделать... мне необходимо было проверить, были ли ещё пропажи...

Паркер уже не слушал. Весь фокус внимания был сосредоточен на складной лестнице, которой мог воспользоваться только носитель профессии. Ученикам воспрещалось не только изучать смежные знания, но и приближаться к ним. Не говоря уже о том, чтобы подняться так высоко и что-то выкрасть.

Кому... а главное – зачем потребовались эти книги?

– Были ли на вашей памяти ещё прецеденты краж?

Библиотекарь сглотнул, и даже в скудном освещении был виден его бледный кадык, скользнувший по гортани.

– Предоставьте мне полный список пропавших книг, а также имена тех, чья профессия даёт доступ к этим знаниям... На этом всё?

Губы библиотекаря подрагивали.

– Это всё? – с нажимом повторил Паркер.

– Да, всё.

– Хорошо. Тогда я найду к вам позже, а теперь выведите меня отсюда.

Под скрип деревянного пола страж закона мысленно простраивал цепочку вариативных событий. Это то, чему он научился сам, изучая от корки до корки книги по криминалистике.

Уклад сообщества покоился на нерушимых правилах. Любое отклонение могло принести разлад. А законник, чья миссия следить за балансом, знал, что ничего хорошего это не сулит.

Паркер вспомнил глупое слово – ОЛИМПИАДА. Так люди прошлой эпохи нарекали бессмысленные соревнования, когда выясняли, кто «самый-самый». Для чего? Зачем? Если человек на своём месте, ему не нужно что-то доказывать – он соревнуется только с самим собой, стремясь к росту. Это было настолько правильно и очевидно, что законнику стало стыдно за своих предков. Глупости... тратить время и деньги на то, чтобы, улюлюкая, следить за матчем, где потные мужики бегают за кожаным мячом, стараясь забить гол. Неужели этот досуг устраивал предков?.. Недалёкие.

Наконец плотная тишина понемногу сошла на нет, впустив посторонние звуки. Выйдя к закутку библиотекаря, в котором хранилась вся картотека книг в пользовании, законник учтиво склонил голову и направился в следующий отсек. Предстоял неприятный разговор с мэром.

Паркер знал: только дилетанты не придают значения мелочам, тогда как именно за ними скрываются истинные мотивы. А вот какие – это предстояло выяснить...

Глава 4

Сектор галереи чувств после лабиринта знаний уравнивал два, на первый взгляд, противоположных метода обучения. Если в читательских залах любой мог сосредоточиться на себе и знаниях, полученных из книг, то здесь...

Паркер невольно улыбнулся, наблюдая за прыгающими, улюлюкающими детишками, балующимися с фонтаном кинестетики.

Здесь царил исследовательский дух – успевай только уворачиваться... Непосвящённый спутает это место с большой игровой зоной. Что ж... это не так.

Слух, зрение, обоняние, вкус, осязание – пять органов чувств, выделенных ещё Аристотелем, от которых целиком зависит восприятие человеком реальности. Через изучение себя мы постигаем и мир. Всё взаимосвязано.

Паркеру вспомнилось наставление попечителей: «Не тригонометрические уравнения и химические формулы позволяют узнать, кто мы... а органы чувств». Тогда он не сразу понял, о чём они толковали. Мол, в школах годами шли уроки, где принято было старательно выводить формулы и искать решения. Было множество предметов. Уроки, домашние задания... да уж...

Шарик из пневмопушки попал Паркеру в плечо. Пришлось остановиться и вернуть его на игровое поле.

Вот малыши, прыгающие на диско-квадрате четыре на четыре, весело топающие по подсвеченным областям. Баланс и то, как ты ловишь ритм, важнее любых соревнований. Познают тело. Познают пластику. Гибкость... и всё без оценочных суждений.

Паркер поморщил нос от музыки, которую нынче любит молодёжь. В его время музыка была другой...

По правую сторону начинался кристалловидный вольер, искажающий фигуру смотрящего. Любопытное изобретение. Оно позволяло как бы взглянуть на себя со стороны и понять, что никаких изъянов нет – есть только угол зрения. Вот что формирует самооценку и позволяет ребёнку ощущать целостность.

Даже сейчас, спустя годы, Паркеру было любопытно пройти сквозь вольер кристаллов – правда, с настройками усложнённых фильтров. Уровень для детей был слишком прост. Так можно примерить на себя разные образы и в конечном итоге отказаться от них.

Зона звуков, огороженная бархатной стенкой, лишь видимость: на самом деле внутри находился куб с превосходной шумоизоляцией.

Каждая зона – произведение искусства. Тут не просто приятно проводить время, но и отдыхать. Сидя на лавочке в форме полумесяца, можно взять наушники, и программа предложит изучить рандомный, отдельный звук.

Страж вспомнил своё ощущение, когда в первый раз услышал гуляющий ветер в ущелье. Звон колокольчика в буддийском храме... или стрёкот кузнечика в брачный период. А как шелестят опавшие листья, устилающие землю природным ковром...

Эта зона учит слушать себя. А чтобы слушать себя, нужно научиться выделять отдельные звуки из окружающей среды.

И никаких надсмотрщиков. Никто не шикнет на вас и не скажет: «За эту линию не заходить» или «Ты делаешь это неправильно». Ты учишься в процессе игры. Здесь нет правильного или неправильного. Здесь есть чистый поток фантазии и своя интерпретация.

Паркер частенько встречал и взрослых в зонах органов чувств. Годам не свойственна серьёзность. Хочешь оторваться... что ж, уворачивайся от кинестетического фонтана. Танцуй. Веселись. Прыгай на пневмобатутах. Будь собой.

Паркеру пришлось поднапрячься, вспомнив, что он идёт к мэру с серьёзным разговором. Но даже в том, как располагались секции, был определённый замысел.

Действуя в состоянии паники, мы склонны совершать ошибки. Пройдя через секции, ты переключаешься... спускаешь фокус внимания с проблемы на внешнюю среду и тем самым находишь решение.

За обход галереи чувств Паркер подостыл. Сфокусировался на решении и с холодной головой, полной интересных идей, попал в административный блок.

Глава 5

Для того чтобы лучше представить административный блок, вообразите большой-пре-большой сыр с дырками. Разве что цвет сыра не жёлтый, а кирпично-оранжевый. А размер дырок такой, что человек запросто, не пригибаясь, может проникать из одной комнаты в другую. Нет дверей, разделяющих одного сотрудника от другого. Лабиринт устроен таким образом, что, скажем, дойти до чиновника продовольственного сектора можно, только пройдя через чиновников смежных отделов и т.д.

Старейшины были не дураки, выстроив систему подобным образом. Любые коммуникации могут привести к открытиям. А значит, больше точек соприкосновения. Вот и сейчас Паркеру пришлось выныривать из одного коридора в другой, чтобы прийти к мэру.

Он невольно почувствовал себя благородной крысой. Той самой, что почитается как одно из самых адаптивных животных. Люди прошлой эпохи клеймили их, считая злом, переносчиками заболеваний... и что же случилось? Где эти люди? Осели вместе с ядерной пылью на пустоши из мёртвых городов. А крысы... крысы всё так же знают своё место и адаптируются. Выходит, они оказались умнее.

Кабинет мэра, как и все предметы интерьера в нём, был округлой формы. Овальный стол, за которым сам мэр работал стоя, гамак, покачивающийся на вытянутых тросах, и стена из стеллажей, напоминающих форму пуль или бутылок воды... как посмотреть...

– Что привело вас ко мне? – не отрываясь от экрана монитора, спросил мэр.

Паркер всё никак не мог привыкнуть к его внешности... Это был редкий вид альбиноса с совершенно белоснежными волосами и бровями. Лицо этого мужчины было будто припорошено снегом, а серо-голубые глаза напоминали плавающие льдинки.

– В отсеке знаний пропажа книг.

Голубые льдинки встретились с глазами Паркера:

– Выяснили, сколько книг пропало?

Паркер осторожно прошёл в кабинет, стараясь не наступать на ковёр, напоминающий разложенные высохшие водоросли:

– Сложно сказать... может, двадцать или тридцать... кто знает, как плотно стояли корешок к корешку эти редкие книги. И... я давно вам говорил, что мы всегда можем установить видеоаппаратуру...

– Исключено.

– Позвольте, я закончу.

Напряжение уже разлилось по комнате.

– Я помню вашу позицию насчёт полной свободы, но небольшой контроль в местах особой важности позволит нам...

– Позволит что? Паркер, прошлые тоталитарные государства начинали с компромиссов. Шаг в сторону от этики... ещё шаг... ещё... и все мы знаем историю, что бывает дальше.

– Но наш случай другой, мы можем сделать это аккуратно.

– Я бы на вашем месте прекратил этот разговор...

– Вы не на моём месте. – теряя терпение, отрезал Паркер. – Это я слежу за порядком и прошу лишь о базовых вещах. Вы же знаете, что сейчас со стражниками плохо... Нас мало.

– Это решаю не я, а генетический тест.

– Да, но... это не меняет сути. Рук не хватает.

Мэр пожал плечами:

– Мне остаётся только повторить: решаю не я.

- И что же прикажете делать? – Паркер раздражённо подёргал за нитки гамака.
 - Найти вора и выяснить причину.
- Паркер уже было вышел из кабинета, как вслед ему были брошены слова:
- На этой неделе у нас три исключения.
- Страж разглядывал стоптанные кроссовки:
- Вышлите их дела.

Покинув кабинет, он, стиснув зубы, шёл обратно к лабиринту. Ему меньше всего хотелось заниматься высылкой детей. С этой частью уклада он никак не мог смириться... Откуда взялись эти три попытки и почему сразу нужно высылать детей, не нашедших себе место?

Паркер решил проведать своего отошедшего от дел наставника, который когда-то ввёл его в тонкости профессии. Крыло наставников было не по пути, но оно того стоило. Кто, если не наставник, подскажет, что делать?

Пропажа книг... и вот ещё этот неуклонный рост исключённых детей. Почему? Раньше было не больше одного исключения за полгода, а сейчас три – и за какой-то месяц.

Паркер плюнул под ноги и, ускорив шаг, пошёл в крыло наставников.

Глава 6

Грейс, зажав зубами сигарету, корпела над sudoku.

– Паркер, от тебя за версту пахнет... тобой. Когда же ты сменишь этот одеколон?

– Когда ты перестанешь курить как паровоз.

Грейс растянула свою чудную улыбку, заставив морщинки проступить на грубой коже.

– Иди сюда.

– Ты сидишь, Грейс!

– Именно поэтому иди, я обниму!

Паркер неуклюже подошёл к столу, его глаза заслезились от сигаретного дыма, и он положил голову на её твёрдое, как мачта, плечо.

– Рада тебя видеть, – прошептала она.

Паркер, смущаясь, выпрямился и обвёл взглядом стариков-призраков, уткнувшихся в свои только им интересные старческие дела. Шахматы, домино, sudoku... тут целый клуб по интересам, но, увы, свободных стульев не было.

– Возьми мой.

– М?

Паркер приподнял брови, когда увидел, как Грейс достала из-под стола второй трёхногий стульчик:

– Берегу на такие случаи.

Поскребя ножками стула, страж уселся напротив своего наставника, и ему так хотелось поговорить обо всём и ни о чём конкретном.

Когда он с Грейс, он чувствует себя как в тёплой ванне.

– Ты по делу или так, партейку зашёл сыграть?

Покусав губы, Паркер ответил:

– Ты же знаешь, мне sudoku никогда не давались, я больше в карты.

Грейс махнула рукой:

– Выкладывай давай.

– Как ты относишься к чисткам? Я имею в виду, ты не задавалась вопросом, зачем они? Неужели нет других вариантов, как можно избежать этих варварских изгнаний?

– Паркер, Паркер... ты всё тот же юнец, каким я тебя помню, – тепло улыбнувшись, она, вздохнув, продолжила: – Мы – стражи-исполнители. Законы пишем не мы.

– Прошу, Грейс, ты не на службе. Скажи, что ты думаешь... на самом деле... а не эту чушь с работой по уставу.

За соседним столом ожесточённо играли в домино. Насколько можно ожесточённо играть в такую игру.

– Что ж, я думаю, каждому человеку нужно найти своё место. Без самореализации мы склонны замыкаться в себе, а такими легко помыкать, склонять на свою сторону и манипулировать, – Грейс задумчиво покатила ручку в зажатых пальцах. – Ты прекрасно помнишь, как люди прошлой эпохи поддавались речам диктаторов. Те сыпали обещания, рисовали картину прекрасного будущего, и люди шли. Почему? Потому что чувствовали себя не на своём месте. Счастливый, самодостаточный человек не пойдёт на митинг.

– Да, но...

– Вот и выходит так: чтобы новое общество не прогнило, приходится вырезать опухоль.

– Они же дети...

– Которые когда-то станут взрослыми.

Грейс с печалью посмотрела на Паркера:

– Зачем тебе это? Ты же на своём месте. Вот и исполняй свой долг. Найди себе кого-то, заведи детей. Станешь наставником...

Она вновь прикурила какую-по-счёту сигарету? Пепельница на столе была доверху набита раздавленными окурками.

– Выброси это из головы. Съезди отдохнуть в...

– Куда съездить? Ты считаешь капсулу дополненной реальности отдыхом? Это же иллюзия. Мы не выходим из этих стен всю свою жизнь. Сидим себе как проклятые в этом бункере...

На Паркера со всех сторон зашикали старики.

– Простите, в «Оазисе надежды»...

Страж медленно встал, почувствовав себя более уставшим, чем раньше. Ему больше не хотелось обсуждать ни пропажу книг, ни повышенную статистику исключений. Он любил Грейс, всем сердцем любил... но сейчас, может, он сам виноват, что выбрал не ту канву для разговора. Может, в другой раз?

Она попросила навещать её почаще. Он пообещал, что так и будет. Ни первый, ни второй не верили в то, что просили и обещали. Он ещё раз обнял её за костлявые плечи, всё так же морщась от сигаретного дыма, и молча пошёл в зал мутного рассудка.

Глава 7

- Кажется, вам хватит.
- Кажется, пошёл нахрен. – Паркер с грохотом долбанул кружкой о барную стойку. Трое посетителей мутного зала подняли глаза на стража.
- Что?.. Нальёшь или так и будешь стоять, протирая до дыр этот... этот... как там, мать его... ик!..
- Бармен пожевал во рту невысказанный ответ и удалился к пивным бочкам.
- Стакан, точно...

Страж взглянул на наручные часы. Оставалось 14 минут, пока действие алкоголя в крови делает своё дело. 14 минут, когда можно расслабиться, не думать ни о чём, чувствуя приятное помутнение и лёгкость... Пустые мысли проносились на горизонте Паркера, как кучковатые облака, напоминающие овечек.

И всё-таки этот вкус осточертел. Неужели с теми химиками, что живут на территории Оазиса, нельзя было создать что-нибудь получше? А не эту кислотоватую жижу.

Следующим глотком он ополовинил стакан... 8 минут... стрелка часов поплыла на циферблате.

Икнув в кулак, Паркер повернулся на крутящемся барном стуле. Шесть пар глаз моментально уткнулись куда угодно, только не на агрессивное лицо стража.

Не замечая, как пена лилась по обратной стороне кружки, Паркер что-то пробухтел и усталился на бильярдный стол.

- Может, кто сыграет?
- Три головы не ответили...
- Языки проглотили... ик? ...да ну вас...

Паркеру было тошно слушать очередной мотивчик рок-группы, поющей о чудном дне. Все треки как на подбор, под три аккорда, звучали слащаво и неискренне. То про новую жизнь, то про перспективы... бя...

Остаток содержимого стакана влетел в пустой желудок стража.

...стрелка наконец закончила свой обход, и, как по щелчку, алкоголь, а точнее его видоизменённая формула, растворился в крови.

Чёртовы химики – нет чтобы сделать пойло чуточку вкуснее... увы... даже тут на первый план выходит функциональность. Зато никакого похмелья. У тебя есть 30 минут: вливай в себя сколько сможешь, а выходи из зала с чистой головой. Никаких калорий, на жареное не тянет, обрести пузико не светит. Разве что моча потом слишком пахучая. Но что поделаешь... все привыкли.

Мутный взгляд снова стал цепким, а плавность движений ушла. Куда, спрашивается, ушла?

По уставу жителям запрещалось две сессии помутнённого рассудка за раз. Будь добр – получи один круг, а дальше заходи на следующий день, если хочешь...

Паркер встал. Он прекрасно помнил, что наговорил. Ему не было стыдно – скорее грустно, что даже здесь, в попытке красиво наебениться, он бессилён.

Все изъяны местного бара тут же повылазили. Освещение больше не казалось камерным, стулья стали слишком твёрдыми, столы – слишком неудобными. Будто декорации к фильму, а не настоящий бар.

Да, хозяин, держащий это место, старался... как мог старался сделать реплику бара прошлой эпохи. Воняющий пролитым пивом пол, шелуха арахиса и флаг Оазиса, приколотый клёпками к стене над кругом утыканного дротиками дартса. Был даже липовый музыкальный автомат. Почему липовый? Потому что играла там в основном вот эта дрянь из динамиков. Выбор крутился вокруг тридцати пластинок, от которых хотелось обняться, а не набить морду, как было принято в барах прошлой эпохи. Плазменный телевизор крутил рекламу нового тура дополненной реальности. Картинка тропического острова с волной, облизывающей кромку песка... Всё, что требовалось, – какие-то 30 кредитов. Всего-то полгода работы, и ты там... почти там.

Паркер вышел из зала помутнённого рассудка, и посетители выдохнули, вспомнив, как в прошлый раз страж выписал им штрафную квитанцию. Не для всех законы писаны.

Потянувшись всем телом, страж услышал треск рации.

– Паркер, приём.

Отцепив кожаную клёпку, он ответил:

– Слушаю, – не без раздражения. Свонг выходила на связь только в экстренных случаях.

– Где мальчик?

Паркеру пришлось отойти в угол зоны отдыха, чтобы никто из проходимцев, разгуливающих от одного зала помутнённого рассудка до другого, не грел уши.

– Я его потерял.

– То есть как...

– Да так. Испарился пацан – и всё тут. У нас дело поважнее появилось.

– Ты про пропажу книг?

У Паркера заурчало в животе.

– Откуда ты знаешь?

– ...сообщили о ещё одном исчезновении, и это уже выглядит как диверсия.

«Диверсия»? Паркеру не послышалось? Он видел это слово только в учебниках законников. Тихий Оазис был и, надеюсь, останется спокойной гаванью, но сейчас... началась какая-то чертовщина.

– Срочно возвращайся.

– Понял. – Паркер закатил глаза, но сратья по рации со Свонг не стал.

Всю дорогу он ощущал приятное покалывание в пальцах...

Глава 8

– Погоди, давай ещё раз...
– С какого момента мне повторять? – Свонг брезгливо отодвинула алюминиевую банку сублимированного кофе. – Где он, чёрт возьми?

– Что?

– Чай.

– А... я положил его наверх. – Паркеру пришлось подойти к шкафу и указать, где этот самый «верх». Под осуждающий взгляд он вытянул банку и поставил на место.

– Не делай так больше.

Паркер поднял руки.

– Не буду.

– Итак, – продолжала Свонг, набивая чайник зелёными листьями, – кража книг в отделе знаний – это полбеда.

– М?

Паркер сел за стол, брезгливо поморщившись. От столешницы пахло плохо промытой тряпкой.

– Тот, кто украл книги, играет с нами. Он или они... знали, что нам известно о первой краже и намеренно совершили вторую.

– Так.

Он заворожённо наблюдал за манипуляциями заваривания чая; всё же в этом было что-то иное. Эстетичное, что ли. По крайней мере, засыпать ложку чёрных гранул и залить кипятком казалось Паркеру автоматизмом. Свонг же делала это по-своему... с азиатским колоритом.

– Будешь?

– Да, давай.

Разлив чай, напарница осторожно попробовала прозрачную жижу.

– Не додержала.

Паркер воздержался от пробы.

– Итак. Связавшись с библиотекарем, я узнала, какие книги пропали.

– Продолжай. – Паркер вообразил себе литературу по военному делу или что-то ещё похуже...

– Философия.

– М? – страж с приподнятой бровью ждал продолжения. Ему это слово ни о чём не говорило.

– Философия – это наука о знаниях. С её помощью ты как бы учишься мыслить над предметом.

Паркер недоверчиво понюхал всё ещё прозрачную жижу, от которой поднимался пар.

– Ты точно пьёшь чай? Как какая-то наука может быть главной? То есть... – он стал растерянно щёлкать пальцами, что, судя по выражению лица Свонг, действовало ей на нервы. – Все науки равны... разве нет?

Напарница подлила ещё заварки; на этот раз жидкость потемнела.

– Не совсем.

– Ты в своём уме? Как ты можешь в стенах правосудия говорить о неравенстве?! Всё наше общество держится на главном постулате. Все равны и все зависимы. Никого нет лучше или хуже. Все нужны, как клей, удерживающий благополучие Оазиса.

– Тебе это не мешает выписывать штрафные квитанции направо и налево.

– Что?

– Ни-че-го. – Свонг улыбнулась тонкими ниточками губ. – В любом случае философия – неоднозначная наука.

– Тогда почему её не запретили? – Паркеру пришлось поправиться: даже слово «запрет» не совсем законное слово. В обществе было принято использовать более оптимальные формулировки. – Я имею в виду: религиозные книги же были изъяты, тогда почему философию оставили?

– Ты меня спрашиваешь? Я так же, как и ты, слежу за порядком. Что касается религиозных книг, так решили старейшины. Вроде как они сеяли сомнения. Одна религия ставила себя выше, не оставляя в умах места для второй. Ты же помнишь факты из религиозного терроризма у людей прошлой эпохи?

Паркер кивнул и неохотно попробовал чай... и был весьма удивлён. Недурно. Горьковато, конечно... и язык вяжет.

– Голова же у тебя есть на плечах. Что думаешь?

Вытащив чайнку из зубов, Свонг оперлась на стол, от чего свет лампы лёг на неё как-то правильно, то есть обрисовав точные контуры её острого птичьего лица.

– Говорю только то, что слышала... Старейшины приберегли эти книги для детей, которым выпадет по генетическому тесту эта профессия.

– И что же? Были случаи, кому уже выпадало?

– Ни одного.

– Тогда получается... кто-то возомнил себе, что ему это позволено?

Взяв чайник, Свонг зажурчала новой порцией.

– Ты понимаешь, что теперь я тоже подсел на твой чай?

– Тогда тебе придётся выращивать его дома.

Паркер сразу отбросил эту мысль; единственное, что он мог выращивать, – это простуду на губе. Его терпения хватало на несколько минут, всё, что дольше, он считал «слишком». Что он понимал под словом «слишком», было известно только ему.

– И всё-таки... – вновь заговорил Паркер, когда с чаем было покончено, – что это в самом деле даст?

Ему с трудом виделся лес за деревьями. Когда в обществе Оазиса ввели денежную кредитную валюту, это исключило само посягательство на незаконное обогащение. Никто не может иметь сверх дозволенного кредита. Мы все живём настолько, на сколько способны потребить. Исчерпал кредит – что ж, будь добр, повкальвай чуть больше, но выше головы не прыгнешь. Да и незачем это было. Выделяться красивой одеждой или побрякушками, стоявшими целое состояние (как рассказывали у людей прошлой эпохи), было бессмысленно.

– Это даст то, что появится тот, кто будет считать себя выше. Тем самым создаст угрозу для общества – неравенство.

Паркер понимал, что вкладывала Свонг в понятие неравенства. Старейшины, писавшие законы, были не дураки; на их глазах рушились государства с коммунистической идеологией. Там равенство было за чертой бедности. Натянутые улыбки на улице и кислые щи дома. Обман. Равенство бедности, где на самом деле у элиты было ой какое неравенство с обычным людом.

Общество оазиса поддерживало равенство в виде баланса. Где мастера обменивались созданным трудом и были благодарны за это. По-настоящему благодарны. Ведь неважно,

сколько кредитов ты зарабатываешь, если, скажем, ты делаешь лучшие стулья и получаешь от этого удовольствие. Люди, купившие их, радуются так же.

Но что, если придёт человек, который перечеркнёт это? Начнёт качать лодку и продвигать свои взгляды? Бунт? Война?! Нет...

Паркер, незаметно для себя, прикусил губу, и по слюне растёкся вкус железа. Или вкус крови... как посмотреть...

Нужно было срочно найти тех, кто выкрал книги, и сделать это немедленно, пока не стало слишком поздно...

Глава 9

– Я вот что думаю. – изрядно натерев висок, Паркер поднял красные глаза на напарницу. – Завтра у нас как-никак праздник. День Единства, и, зная нашего мэра и его отношение к правде, все жители Оазиса узнают о пропаже. А нам... – Паркер потянулся и сладко зевнул... – нужно быть начеку и внимательно высматривать тех, кто странно отреагирует на новость о пропаже.

– Что значит «странно»? Они что, по-твоему, должны потирать ручонки в стиле доктора Зло?

– Вот и увидим... завтра. А пока... я вздремну.

Ещё раз зевнув, Паркер вышел в коридор и направился к капсуле сна, в очередной раз мысленно похвалив себя за эту покупку.

Да... конечно, спать в общих капсулах спальных блоков было дешевле... но пока туда дойдёшь – встретишь уйму людей... Нет уж, лучше спать здесь. Ещё один зевок до хруста в челюсти...

Страж вспомнил, как пришлось попотеть техникам, проводившим в зал правосудия отдельную линию высокоочищенного кислорода.

Паркер нажал на кнопку, и дверь отъехала вправо, подсвечивая тёплым сиреневым светом вход в капсулу сна.

– Моя нора, – ни к кому не обращаясь, сказал страж и, включив краник с водородной кристаллической водой, прополоскал рот, одновременно освежив дыхание и избавив зубы от остатков пищи. Уму непостижимо, какая экономия...

Залезая в нору, Паркер прокрутил в памяти истории попечителей о том, как люди прошлой эпохи водили приспособлением... эм, как же его... щёткой... Да, это вроде называлось щётка. И расходовали уйму воды, не удосужившись закрыть кран во время чистки. Безрассудно и безответственно.

Засыпание описывать бесполезно – это как пытаться придать очертания ветру. Он просто есть. Так и с засыпанием в капсуле сна: подача очищенного кислорода моментально отправляет в мир Морфея. За доли секунды перед тем, как сердечный ритм замедлился, а дыхание выровнялось, Паркер подумал, что было бы неплохо обновить картотеку снов... ему в последнее время приелись прогулки по пустынному песочному пляжу...

Мягкий оранжевый свет и пение птиц со впрыснутой смесью аммиачных безвредных паров вытащили Паркера из сна.

Голова была свежая, тело – отдохнувшим. За каких-то четыре часа... неплохо. Разработчик спальных капсул обещал видоизменить технологию и сократить сессию сна до трёх часов. Ну, поживём – увидим.

Вылезая из норы, страж поскрёб щетину, вытащил катышек из пазухи глаза и, вытянув из отсека пакетированные капсулы дневных витаминов, закинул горсть в рот. Запил. Посмотрел на отражающую поверхность, разглядывая лицо. Повертел шеей, рассматривая шрам, идущий от подбородка до середины щеки. Почесал затылок... и чуть было не забыл посыпать порошок от облысения на макушку. Он вспомнил, как Свонг намекнула ему на это. Порошок пах ромашкой и чем-то ещё – не разобрать. От растираний пальцы Паркера лоснились маслом.

Включился динамик, и голос диктора сообщил о времени начала праздника. Пожелал всем приятного дня и попросил не опаздывать.

Паркер сверился с часами, с которыми он не расставался даже во сне. Их ему подарил старший попечитель, сняв с собственной руки. Ремешок слегка разносился, стёрся по краям,

но циферблат... он аккуратно постучал по купольной прозрачной крышке... работал как надо. Стрелка отсчитывала свои секунды.

Спеша в зал объявлений, Паркер не церемонясь протискивался вперёд, расталкивая граждан плечами. Все люди стояли упорядоченно, аккуратно, но чтобы пройти в ложу – пришлось срезать... Тут плечи Паркера игодились.

Высокие потолки, увешанные серебристыми гирляндами, тянулись от одной колонны до другой. Тут воздух был разрежённый, от чего щекотало в носу, и температура держалась ниже обычного. Техники – молодцы, и тут на славу потрудились.

В зале никогда не встретишь зевавшего или уткнувшегося в свой коммуникатор. «Тук-тук» – постукивание пальцем по микрофону привлекло всеобщее внимание. Ну вот... Паркер немного не успел в ложу, заняв место по правую руку от мэра.

– Рад вас приветствовать!

Хлопки волной прокатились по всему залу.

Мэр обернулся и кивнул Паркеру, а затем снова обратился к микрофону:

– В этот особенный день, когда мы уже семьдесят лет живём в полной гармонии и процветании, я хотел бы выразить благодарность всем и каждому...

Где черти носят Свонг... Паркер сканировал лица людей Оазиса, скользя по диагонали. Не в её манере опаздывать. Пройдя к последней колонне, он увидел пристройку, оставленную малярами, на которую прямо сейчас взбиралась Свонг.

– Вы знаете, что только единство позволяет нам жить в согласии с окружающими и с самими собой, – продолжал свою привычную речь мэр. Впрочем, слова из года в год не менялись. Вот она – стабильность в чистом виде. Раз всё хорошо, зачем что-то менять?

Но тут... когда Паркеру уже наскучило просто так мазать взглядом лица Оазиса, мэр заговорил о пропаже книг, решив, однако, утаить, какие именно книги украли... это было в духе мэра, лозунгом которого было: «Говори правду или полуправду».

Что ж... и полуправда звучала лучше, чем ложь с добрыми намерениями.

– ...Я бы попросил каждого из вас прямо сейчас сообщить о том, кто мог по ошибке взять книги.

По ошибке? Паркер невольно скривил лицо... Толпа зароптала, загудела. Как поднятая шерсть испуганной кошки, каждый из членов общества зашумел, и только в одном месте... которое отлично просматривалось с ложи, началась толкотня.

Бросив взгляд на напарницу, он увидел прыгающую в толпу Свонг... Чёрт!

Глава 10

Включились рефлексы. Думать было некогда. Перемахнув через перила ложи, Паркер в полуметре приземлился от группки людей.

– С ДОРОГИ! – набирая скорость, он нёсся как таран в сторону потасовки.

Кто-то успевал отскочить, кто-то нет – и сшибленный, как кегля, валился на пол. Толпа уплотнилась, и там, где предположительно находилась Свонг, было не пропихнуться.

– ИМЕНЕМ ЗАКОНА! – орал он, но его голос плыл, плыл и так же тонул в общем хоре недовольных возгласов.

Запнувшись о чьи-то ноги, налетев на чей-то локоть, острые конечности бесхозно втыкались в тело стража. Паркер работал руками как мельница, раздвигая толпу. Губы обдало жаром. Сплюнув кровь, он понял: кто-то успел зарядить ему в подбородок. Страж с выступившей на лбу испариной вталкивал себя в эту кашу из людей.

Из динамиков гремели приказы мэра:

– СОХРАНЯТЬ СПОКОЙСТВИЕ!

Какое, к чёрту, спокойствие... чёртовы болваны...

Отпихнув очередного увальня, Паркер всё-таки добрался до очага. Свонг упала на колени, прикрыв лицо рукой. Здоровяк в маске вскинул руку... Напарница пыталась откатиться, но сзади её прижимали – тут не до увёрток... Паркеру же нужно было пройти заслон ещё из дюжины зевак...

Удар пришёлся ей по голове. На его глазах её тело обмякло.

– СУКИН СЫН! – рванув, как зверь, Паркер вытолкнул на свободный пяточок нескольких бедолаг.

Здоровяк, увидев стража через две щели в пластмассовой маске, отталкивая зрителей, побежал прочь.

Перед Паркером встал выбор: догнать преступника или спасти Свонг, которую могли задавить в общей панике. Люди волнами качались и могли в любой момент её затоптать... Рыча, страж подхватил с пола тело Свонг, закинул её руку себе на плечи и выволок прочь из плотной, как студень, группы людей.

Губа кровоточила, заполняя слюну привкусом железа.

Прислонив напарницу к колонне, Паркер бросился в том направлении, куда сиганул беглец.

Людей у выхода было меньше, и, сторонясь его как огня, они шарахались по сторонам. Дыхание стража участилось, эхом отзываясь в висках...

Выбежав в пустынный коридор, Паркер выругался. Ни свидетелей, ни черта.

– Твою мать...

Коридоры паутиной расходились по всем блокам Оазиса. Он мог скрыться где угодно... и ещё эта маска – чёрная, без рисунков, словно лакированный слепок с чужого лица.

Надеясь на удачу, страж наугад выбрал направление и, выбежав в блок приёма пищи, замер, поглядывая на пустынные столы. За стойкой, звякая посудой, орудовали повара.

– Вы... не видели здесь типа в маске? – через одышку спросил он.

Повара переглянулись. Старший из них покрутил головой.

Оставив в двери отпечаток от удара кулака, Паркер ещё раз выругался и вернулся в зал объявлений. Казанки гудели от боли... плевать.

Каким-то образом мэр успел успокоить толпу. Люди, как взбаламученный песок, осели... рассредоточились.

Паркер, не скрывая гнева, шёл к колонне, где оставил Свонг. Впясть бы всем этим засранцам по два дня за решёткой... да вот мест столько не найдётся...

И всё же это было странно... такое поведение не было свойственно жителям Оазиса... откуда столько агрессии? Сам Паркер чувствовал себя на взводе – больше, чем обычно.

Свонг держалась за бок. Над бровью алой полоской красовалось рассечение.

– Как же тебя это угораздило? – Паркер сел на корточки... вблизи разрез казался страшнее.

– Ты поймал его?

Стражу пришлось отвести глаза.

Рука Свонг легла на запястье напарника.

– Не беда.

Паркеру больно было смотреть на лицо Свонг...

– Давай отведу тебя в корпус здоровья, там твой порезик подлатают.

На этот раз тело Свонг показалось тяжелее обычного.

Чихнув, страж потащил напарницу к выходу. В воздухе было что-то странное. Этот запах, который он никак не мог классифицировать и объяснить, беспрестанно нервировал и щекотал ноздри.

Проходя мимо людей, Паркер заметил прихрамывающих и держащихся за головы жителей... Чёрт... корпус здоровья будет забит под завязку, и, что страшнее всего, Паркер не припоминал ничего похожего...

Глава 11

Врач, втирающий пептидный клей в порез Свонг, стоял задницей к Паркеру. От этого нервировал его. Бесил.

В боковую дверь зашли ещё несколько пострадавших. Медсестра уже не знала, куда подсаживать новеньких.

Что за охи... подумаешь, головушка болит. Страж брезгливо окинул взглядом посетителей блока здоровья. Ему так и хотелось подбежать к каждому и силой тряхнуть за плечи.

– Не щиплет? – спросил всё ещё крутившийся зад в серебряном халате.

Свонг не ответила.

Внимание Паркера привлекла синяя нитка, трепыхавшаяся на вентиляционной решётке.

Он прищурился.

– Док?

– Да-да? – ответил «зад».

Страж, не сводя глаз с решётки, встал... кушетка на колёсиках откатилась, ударившись о стенку.

– Где здесь стул? Свободный, я имею в виду. – уточнил Паркер, так как все стулья были заняты бедолагами, ожидающими своей очереди.

– Это у медсестры лучше спросить.

Паркер прошёл мимо. Один из посетителей задрал голову вверх, но струйка крови уже успела оставить красный след на его худи. Помаргивая, он пытался и заталкивал в себя ватный диск.

Медсестра проводила стража в комнатку, напоминающую то ли склад, то ли картотеку... со странными лекарствами, подписанными на каждой прозрачной ячейке.

– Вот, возьмите, – она протянула ему складной стул.

Вернувшись обратно, Паркер разместил его у стенки. Качнул рукой для уверенности... вроде устойчиво – и, встав одной ногой, почувствовал, как пластик под ним продавился.

Выпрямившись, он взял пальцем нитку, которая оказалась вовсе не ниткой, а рваным лоскутком – шелковистым и почти невесомым. Он дёрнул её на себя, ткань поддалась и червячком разместилась на крупной ладони Паркера. Присмотревшись, он увидел белый налёт у основания. Спрятав её в кармашек на поясе, он подошёл к Свонг.

Пептидный клей рыжевато-голубого цвета на глазах твердел, превращаясь в корочку.

– Ну вот, через пятнадцать минут можно отрывать, – доктор улыбнулся и пошёл к следующему в очереди.

– Ты как?

– Сойдёт.

– Может, болеутоляющее? Тебе... неплохо в голову влетело.

Свонг отмахнулась и встала... неуверенно, но встала.

– По старинке заживёт.

На выходе из блока здоровья медсестра напомнила, что для быстрого заживления сегодня нужно заказать пищевой гель с двойной дозой протеина.

Ни Паркеру, ни Свонг не нравилось обедать в пищевом блоке. Слишком тесно. Слишком многолюдно. Хотя можно было взять с собой.

– Слушай... – начал он, когда они оставили позади створку механических дверей. – Что там произошло?

Они встретились глазами.

– Я увидела, как он пробирался через толпу. В его руках был баллончик.

– Он сразу был в маске?

Она кивнула.

Чёрт... в Оазисе проживает десять тысяч человек... как отыскать его?

– Я успела разглядеть нашивку.

Паркер почувствовал, как внутри разгорается невидимый шар.

– И?

– Химики.

– Такой комплекции? Они же все шупленькие.

Навстречу двум стражам шли всё новые и новые люди из зала объявлений, и каждый из них усиленно массировал виски. Уже у второго человека шла носом кровь, оставляя багровый след.

Зайдя в пищевой блок, они заказали по два рациона с двойным содержанием протеина. Из солидарности Паркер взял такой же... хотя на дух не переносил его. Слишком сухой.

– Хотите добавить специй? – уточнил сотрудник раздаточных пайков.

Нет, взяли по стандарту.

На ходу, выдавливая из тюбика рацион, Свонг ногтем соскребала гель. Паркер одним глазом поглядывал – на месте пореза образовалась затянута розовая кожица.

– Тогда к химикам? – уточнила она, вытирая ноготь.

– Да. Только вот сомневаюсь, что наш клиент там...

Паркер чувствовал что-то незримое, давящее ему на плечи. Он решил не спрашивать, что по этому поводу думает Свонг. Страх едким невидимым дымом наполнял жителей Оазиса.

Глава 12

Паркеру не приходилось бывать в этом крыле. Без надобности. Сколько ещё таит в себе Оазис неизвестных уголков – закралась мысль...

Здесь всё было чисто. Прозрачно как-то, будто по дну аквариума шаркаешь... Если в отсеке правосудия намеренно сохранили потрёпанный вид старого бункера, то здесь... Паркер присвистнул. Здесь всё выглядело до безобразия стерильно.

Безликие люди в масках и плотных комбинезонах на резинках сновали вокруг, как стайка белых мышей в поисках лакомства.

Одна из дверей разъехалась, и едкий, напоминающий серу, запах долбанул в нос стражам. Изжога подкатила. Глаза заслезились.

Один безымянный химик сложил руки на груди. Заметил. Подошёл.

– Что-то случилось?

Взял слово Паркер:

– Да пару вопросов есть... – он кашлянул. Не запах – вонь... – Где воздух посвежее?

Человек в маске на кого-то прикрикнул. За соседней стенкой аквариума, где дым поднимался из пробирок, засуетились...

– За мной, пожалуйста.

Они бы и без «пожалуйста» пошли – лёгким передышка требовалась.

Откашливаясь, Паркер хлопнул проводника по плечу и попросил маску. Тот сказал, что в кабинете. От слёз сопли хлынули... хлюпая носом, напарники пробирались куда-то уже скорее на ощупь, чем полагаясь на зрение. Размыто как-то всё стало. Будто в запотевшие очки смотришь.

– Прошу.

Ещё одна створка отъехала. Стражи зашли и, не зная, куда сесть, замялись у входной двери.

– Ближе, пожалуйста, сенсоры не дадут дверь закрыть.

Сняв маску, мужчина подошёл к шкафчику, приоткрыл матовые стёкла и извлёк оттуда капли.

– Вот, прошу.

Первой каплями воспользовалась Свонг. Паркер следом. С третьего раза попал в раскрасневшийся зрачок... Проморгался. Полегчало. Правда, сопли никуда не делись, но глазной туман, как в похолодевшем хаммаме, выветрился.

Когда зрение вернулось, он лучше разглядел кабинет, если эту комнатку, утыканную мебелью из прозрачного пластика, можно было назвать кабинетом. Террариум, скорее.

У химика были закрученные усики, прилизанные гелем волосы... ну точно паук в своём логове. Паутинки не хватает.

– Я вас слушаю.

– Мы бы хотели получить картотеку сотрудников химического отделения, – начала Свонг. – Начнём с тех, кто сегодня на работе не появлялся.

Глаза мужчины включили режим прищура.

– Неприятности какие?

– Что вы, – натянул фальшивую улыбку Паркер, – так, проверка небольшая. И ещё... – он подошёл к усатому; тот насторожился и сделал полшага назад. – У вас тут числится кто ростом с меня?

Паркер был сильно выше среднего, и тот, кто руку на Свонг поднял, был крупноват. Редкость для Оазиса.

Паучьи глазки забегали по лицам стражей.

– У нас только один сотрудник вашего роста.

Паркер уловил смену тона химика.

– И?

– Он на службе больше месяца не появлялся.

Напарники переглянулись.

– Почему не доложили?

Усатый плечами пожал.

– Работы невпроворот, вы же видели...

– Нам нужен номер его капсулы сна и ящичек с личными вещами.

Паукоглазый совсем перепугался.

– Да не могу же я вот так... может, у вас предписание есть... бумага какая...

На этих словах Паркер подошёл к нему вплотную. Химик смотрел снизу вверх.

– У вас есть две минуты.

– Хорошо, хорошо...

Усатый к двери. Створки разъехались... через прозрачную перегородку было видно, как он быстрым шагом куда-то удаляется, а складки на комбинезоне гармошкой заиграли.

Вернулся не сразу... минут пять прошло. Паркер за это время успел Свонг оторванный лоскут ткани показать.

Зашёл усатый. Протянул папочку. Тонкую.

– И ещё... что это может быть? – Паркер протянул лоскут с белым налётом на конце.

Паукообразный взялся за другой край. Повертел в руках... понюхал.

– Нужно на экспертизу отдать.

Нужно – так нужно. Папочка руки грела. Уже что-то.

На обратном пути напарники, наученные опытом, дышали через раз. Из разных концов тянуло невообразимыми ароматами. Спасибо химотделу – благодаря им тубики с пайком имеют такой разнообразный вкус. Чем не магия. Капля того, капля сего – и на тебе курица в кисло-сладком соусе. Только без курицы и без кисло-сладкого соуса. Ням-ням.

– Сходи к мэру, нужно узнать, что там по обстановке, а я нашего шупленького обыщу.

Свонг посмотрела на напарника.

– Уверен?

Уверен ли он? Чёрт... его кулаки чесались... давно он им ходу не давал и чувствовал, что сейчас самое время.

На следующем завитке они разошлись. И тут и там сразу не будешь...

У Паркера затянуло низ живота, внутри всё как-то уплотнилось. Адреналин искру высек... сейчас начнётся, – думал он про себя, ускоряя шаг.

Глава 13

Пошелестев папкой, Паркер в личном деле нашёл номер 1118. Сверился... Убрал папку, зажав под мышкой... взглянул на приоткрытую дверцу личного шкафчика. Ближе подошёл. Чёрный матовый металл... Холодом от него веяло или стража трясло – не понять. Подцепил пальцем дверцу, и шкафчик без скрипа оголил внутренности. Пусто. Пошарил рукой. Ладонь потыкалась в углы... пошаркала стенки.

Страж сел на корточки, заглянул внутрь и на стенке заметил знак, нарисованный баллончиком. Криво... неопрятно, будто торопились. Круг, а внутри две горизонтальные параллельные линии. Приложив палец, протёр край рисунка... посмотрел на подушечку – зелёный след остался.

Вытянув блокнот, Паркер сделал зарисовку. Ему лично этот рисунок ни о чём не говорил, но нужно справки навести.

Встал... огляделся. В камерах личных вещей замков на кабинках не было. Чего скрывать – живёшь по совести, секретов не имеешь...

Шкафчики тянулись себе в бесконечную даль, от тусклого потолочного света конца не видно...

Осталось проверить капсулу сна. Может, там зацепка будет.

Знак на стенке шкафчика... что бы это значило?..

Паркер на ходу открыл дело мужчины, подходящего по приметам под подозреваемого. Такого в Оазисе встретишь – и не поймёшь, не догадаешься, что он на такие гнусности способен. Волосы длинные, вились у самой шеи русыми кончиками. Черты лица непримечательные – ничего в них злого, подозрительного не было. Разве что взгляд скучающий такой... И что же ты на скользкую дорожку встал...

Паркер прочитал имя: Даррен, 28 лет. Выбрал профессию с третьего раза. Поздний, значит. Кредитная история стандартная, в дебошах мутного зала замечен не был. Раз в год исправно брал отпуск в капсулах дополненной реальности... в этом году пропустил. Не критично, конечно. Всё как у людей.

Вернув папочку обратно, прижав её тяжёлой рукой к боку, страж, выходя из одного коридора в другой, пропустил свору ребятишек на выгуле. Детишки за руки держались и галдели. Всем им весело. Всем им интересно. Себя Паркер таким и не вспомнит – память осечку даёт, будто с рождения в свой мундир стража влез и не вылезал... Только вот раньше иначе было... мирно как-то. Да, в мутном зале потасовки бывали. Да, иногда прилетит, но чтобы такое... Чтобы как сейчас... нет...

До людей перевоспитание доходит моментально, и вторые шансы не нужны. В одиночку по уставу можно закрыть на сутки: сидишь себе, в стену глухую смотришь и перевоспитываешься. Нотации никто не читает – это лъзя, а это нельзя. Взрослый, определившийся, сам всё про себя знает. Как правильно, а как неправильно. Хорошо с детства попечители всё как надо втолковывают о добре, о зле... Не навреди – вот, пожалуй, то, что в сознании крепкими корнями прорастает. Поступай как знаешь, главное – не вреди ни себе, ни окружающим.

Камеры сна, как и ящички с личными вещами, штабелями уходили по обе стороны. Отсеки с девочками – налево, с мальчиками – направо. Техники по правую сторону монтировали одну из капсул – дым шёл, паяли что-то. Нумерация капсул сверху значилась, мягко подсвечивалась.

Паркера в сон потянуло. Зевнул до щелчка в челюсти. Нужно будет у Свонг ещё чая стрельнуть.

1118-я капсула располагалась на первом уровне. Паркер свою карточку приложил к считывателю, стенка отъехала до середины и встала. Заело. Внутри свет помигивал. Страж попробовал помочь рукой... дверца скрипнула и нехотя, повизгивая, сдалась. Внутри бугор лежал. Будто кто-то в позе эмбриона спал, накрытый с головой. Потянул за край одеяла, на пол упало что-то твёрдое и, отскочив, коснулось ноги Паркера.

Моргнул. Это же...

Резким движением страж сдёрнул одеяло и увидел набросанные в кучу кости...

Глава 14

«Быстро, быстро, дверь закрой... запри, чтобы никто не видел!»

А створка всё скрипела да скрежетала... не хотела назад вставать. У Паркера на лбу испарина образовалась, поплыла. Морщинки размочила.

Один из техников, что паял одну из капсул, маску снял, словами с кем-то перекинулся, на шум пошёл.

«Да закройся же ты!» – уговаривал её Паркер, а тут кость поперёк рельсы дверной встала. Брезгливо так... нехотя страж локтем её оттолкнул и со всей силы, до побелевших костяшек, дверь на место поставил.

– Что, неполадочка? Мы это, мигом её...

Паркер глазами встретился с техником. Беззаботным таким, не знающим, что там под одеялом спрятано.

Взгляд его поскользился к капсуле 1118... руки потянулись проверить её. Страж на опережение пошёл и вытянул из пояса ленту жёлтую.

Раз – по вертикали. Раз – по горизонтали.

– Опечатано.

– Вижу... а что случилось-то? Я же починить могу.

Паркеру некогда было в объяснения лепить. Он встал, но в ногах силы не было. Покачиваясь, бросился к выходу и через плечо кинул:

– Ничего не трогать!

Ворвался в кабинет мэра. Дверь вытолкнул и чуть на ковёр не упал. Отдышавшись, говорит... слова от волнения влажные, непослушные:

– Проблема в спальном блоке.

Мэр глаза от компьютера поднял, льдинки свои, и ждал.

– В капсуле кости нашёл.

Льдинки поплыли. Расширились.

– Кости? – переспросил он.

Паркер кивнул.

Не нужно было вслух озвучивать «Это невозможно» – и страж, и мэр это давно знали. В Оазисе мест захоронения нет, и мёртвых кремируют.

– Тогда откуда?

– Это я у вас хотел спросить.

Лицо мэра напряглось. Сжалось. Ни один мускул не дрогнул.

– Вы понимаете, что начнётся, если люди узнают?

А нет... трещина пошла.

– Знаю. И дальше этого кабинета это не выйдет.

– Но вы же сами за правду... Разве нет?

Мэр взял мячик со стола. Сжал. Разжал... сжал, разжал.

– Вы с напарницей виделись уже?

Паркер головой качнул.

Сжал. Разжал.

– Тогда повторяться не буду. Она вам всё на ходу расскажет. А пока... – сглатывает: кадык так раз – вниз, вверх, как на пружинке скачет. – Вам нужно в кремационный отдел спуститься.

Страж языком передние зубы пересчитал. Не говорить же ему, что он этого места как огня боится и ни разу. Ни разу. После одного случая туда не заходил.

– Ещё что-то?

Видно было, что мэр в руки себя взял. Лицо снова коркой льда затянулось. Бесстрастное опять. Как в воду смотришь.

– Откуда кости взялись?

Губа нижняя, мэровская, дёрнулась. Чуть-чуть. Еле заметно. Глаза отвёл.

– Не имею представления.

Паркер пересилил себя, чтобы кулаком не вмазать в стол – этот красивенький, чистенький такой. Не знает он... а кто знает?!

На ходу рацию достал и, пока по коридорам сырым двигал, на связь пытался выйти.

– Свонг, как слышно...

– «...» – шуршала тишина.

– СВОНГ!

– Приём. На месте.

– Нам в кремационный зал спуститься велели.

...пауза.

– Приём?

– ...Слышу.

– И это... возьми капсулу седативного...

Паркер рацию от губ убрал. Подумал.

– Нет, две возьми. Без них я туда не сунусь.

– Сделаю. Через двадцать минут буду у лифтовых шахт.

– Хотя знаешь... я всё же сам забегу. Надо кое-что ещё прихватить с собой. Дальше объяснять буду. Отбой.

Не мог он вот так, без подготовки, спуститься на нижний ярус.

Крематорий... нет... от одной лишь мысли зубы сводило. Нужно самонастроиться. Напомнить себе, во имя чего службу несёт Паркер.

Добрался до зала правосудия. Странно, что Свонг не здесь... Ладно, встретятся у лифта.

Пройдя по коридорам, Паркер свернул к капсуле сна. Огляделся... Капсула мягко подсвечивалась фиолетовым светом. Приложил ключ-карту, дверца с шипением открылась. Скинув ботинки, страж залез внутрь. Закрыл дверь. Выдохнул.

В верхней нише, где не хватало одного болтика, можно просунуть руку, и если как следует вытянуть палец – открыть потайной отсек.

Щёлк. Сверху, как смятый язык, вывалилась полка с личными вещами Паркера. Рисунки, которые было запрещено рисовать. Дневник собственных мыслей, который тоже был под запретом. Одно нарушение может сойти с рук... но того, что хранил Паркер, вполне хватит, чтобы изгнать из Оазиса.

Пролистав дневник, шурша страницами, страж перечитал записи в середине.

«...Иногда во снах я вижу себя другим человеком. Я танцую, пишу книги, занимаюсь плаванием или столярным делом... словом, всем тем, что под запретом.

Почему? Почему нельзя совмещать одно с другим?

Иногда я думаю, а не совершил ли я ошибку, выбрав призвание стража? Может, не моё... Поспешил, поторопился, и я могу быть кем-то ещё?»

Далее текст был тщательно зачёркнут. Да, давно Паркер это писал – даже не вспомнить, что скрыто под штриховкой. Одно понятно... стыдные мысли.

Провёл пальцем по тёплому листу, перевернул несколько страниц. Зацепился взглядом ещё за одну строчку...

«...Если бы появился шанс изменить жизнь... изменил бы...?»

Дальше было пусто, будто это не вопрос был, а так... мысль, не доведённая до конца. Мысль, о которой и подумать страшно... Да и думать как? Ведь это невозможно. Оазис не знает историй, когда кто-то самоопределился в профессии, а потом спустя годы передумал.

Паркер не заметил, как сам для себя сжал кулаки. Он очень хотел перемен, жаждал их, но боялся последствий. Старая жизнь, пусть и комфортная во всех смыслах, осточертела. В ней не было ничего живого. Она, как пресный питательный раствор, поддерживала его, но не больше. Помогала коротать дни, отчего ты вяз в этом комфортном желе, откладывая попытки перемен на вечное завтра.

Страж не заметил, как ручкой написал вопрос:

«А что дальше?»

И для себя решил, что это его последнее дело... Он решит загадку с исчезновением книг, узнает, откуда взялись кости, а дальше... чёрт с ним, что дальше – он найдёт выход и станет другим, чего бы это ему ни стоило.

Захлопнув блокнот, Паркер провёл рукой в поисках того, что искал... и не нашёл.

Когда он боялся, попечитель подарил ему маленького солдата, раритет, и сказал, что если будет страшно, смотри на солдата и представляй, что он спасёт тебя.

Солдата не было на месте... хотя Паркер был уверен, что в последний раз оставлял его здесь.

Время поджимало... нужно было выдвигаться. Пусть и без талисмана. Главное – закончить дело...

А когда добрался до шахты лифта, совсем забыл про седативное... вылетело из головы.

«Ладно», – решил про себя Паркер, – «перехвачу у Свонг».

И зря... ой, зря...

Глава 15

Две голубоватые капсулы упали на ладонь Паркера. Застряли в бороздах линий, поблёскивали в свете потолочной лампы.

Страж сгрёб пальцами капсулы. Мягкие. Голову задрал и опустил... одну... вторую под язык. Горько... запить бы... да нечем. Сглотнул. Два «колеса» нехотя... не торопясь, цепляясь за горло, шаркали... Слюной подбодрил... так-то лучше. Осталось подождать. Легче станет.

Лифтовый отдел уже не таким угрюмым казался. Затылок потеплел. Легче задышалось...

Свонг вжала кнопку вызова. Красная цифра высветилась, и потянула тяга по грузовым тросам кабину из недр Оазиса. Заскрипели жернова, затрещал металл, вытолкнув на поверхность воспоминание. Воспоминание, с которым рад бы Паркер распрощаться, да не мог...

...

Холодно. Мальчика трясёт, зубы стучат. Свитер не греет совсем.

– Не чешись, кому сказала! – женщина с силой отдёрнула руку от исцарапанной щеки мальчугана.

Не слушается, сопротивляется. Тогда острые ногти впиваются в плечо, оставив в коже глубокие лунки.

– Отпусти! – вырывается он. Кричит.

– Я сказала – не чеши!

Дёрнулся и спиной ударился о стенку лифта.

Что ей от него надо, карге этой старой?! Почему она к нему пристала и куда везёт?

Лифтовая кабина давила. Тесно тут, воздух другой какой-то, весь пропитанный мазутом.

– Где папа?

– Не папа он тебе! – ответила карга и больше до самого низа не смотрела на него.

Папа... где он?

Двери лифта открылись. Мальчуган чёлку с глаз убрал, карга его в спину подтолкнула:

– Выходи давай!

Вышли. Дверь лифта до конца обратно не встала, криво, с зазором, прихлопнулась. Встретил их грузный мужчина с замызганным фартуком. Высокий. Мальчика не замечал, о чём-то с каргой разговаривал. А за ним... на каталке, накрытой простынёй, что-то лежит. Топорщится.

Мальчик оттолкнул женщину и побежал. Споткнулся. Больно коленкой ударился. Снова вскочил... тут его за руку схватили. Отдёрнули – опять упал. По свисающей руке Паркер папу узнал. Часы... часы, которые только у него были.

– ПАПА! – детский крик рикошетил от стен крематория звоном битой посуды.

Крепкая лапа схватила его и удерживала. А он всё бился... бился... вырывался, пытаясь за похолодевшего отца схватиться. Цапнул зубами ручищу – ослабла хватка. Вырвался.

За руку папу любимого взял. Холодный какой. Трясёт руку, шепчет:

– Папа... папа... проснись!

Ремешок на запястье бряцает. Часы соскользнули. Большие такие, не по размеру.

Заскрипело что-то, и каталку затянуло к отсеку, золой перемазанному, тёмному. От него жар шёл... отсек приоткрылся, и языки пламени, как обезумевшие, облизывали стенки. Шипели. Кушать хотелось им...

Каталка заползла... встала – и буграми пошла, зацелованная огненными губами.

Паркер на пол упал. Часы свалились, ударились. Закричал! Затапал ногами.
– ПАПА!

И отбросил голос его обратно в реальность.

...

– Ты чего стоишь?

Свонг в пяти метрах от напарника ждала, когда тот выйдет в коридор крематория. Но Паркер будто корнями прирос и не двигался... Яркими картинками воспоминание мерцало перед глазами.

Седативное, однако, своё дело знало – мыльной водой стирало ужас давно минувших дней... отупляло. До безразличия.

Просто шаг сделать... да, вот так.

Теперь ещё один...

Створки лифта закрылись. Паркер обернулся и увидел, как-то криво створка встала, оставив зазор...

Глава 16

Стены коридора накренились. Задышали. Пол заплывал.
Паркер тряхнул головой. Всё как-то замедлилось.
Сначала голова идёт, затем картинка достраивается.
Голоса какие-то слышны. Шёпот будто. Общаются. Не разобрать о чём. Шушукуются...

Дышать... дышать...

Паркер видел в глубине коридора себя маленького. Призрачного, стоящего на коленях и хнычущего. Не уходи, папа... но папа ушёл, и остался от него только пепел.

Гарью пахло. Воздух спёрт. До кашля... вот и кашляется...

Из носа что-то горячее течёт. Паркер голову вздёрнул.

Ореол от белой лампы зайчиками на зрачке забегал. Прыг-скок. Прыг-скок.

На губы попало. Приложил пальцы. Посмотрел на них. Алый цветок растёкся.

Шёпот никуда не делся. Шепчет всё... слова, как ниточка, оплетают опухшую голову стража. Дурно как-то.

Оступился Паркер, лодыжку подвернул... рухнул на одно колено. Призрачный мальчик убежал, хихикая... растёкся по коридорам крематория. Шлейф из свечения оставил.

– Свонг... – позвал он.

Где она? Куда пропала? Стояла же здесь... ждала его.

– СВОНГ?!

Шёпот усилился, как если бы кто-то на пульте громкость прибавил. Дурею. Стены эти давят... не воздух тут, а копоть. Потолки все чёрные. Пол липкий.

Паркер руку прижал... вляпался... оттолкнуться бы... как в паутину влез. Вверх тянет... никак... ногой толкай, вставай же!

Заткнитесь, голоса... на секунду, пожалуйста. Места для собственных мыслей нет. Не думается, не получается. Прилип я – и встать не могу, а туман всё стелется... накрывает.

– Свонг! – и голос такой не тот, что у Паркера, а испуганный, высокий. Может, не он кричит вовсе.

Паркер же к полу приклеился коленом и стоит... стоит... держится... пока стены на него не рухнут.

Звук колокольчика – тонкого такого, еле различимого – послышался где-то. И шёпот на миг прекратился, и стены больше не трепыхались, а стояли себе опорой для потолка.

Выдохнул. Отлип от пола, встал. Шатает... ударился в стену плечом, пополз по ней, пальцами перебирая. Шершаво так...

Ещё один колокольчик... за ним ещё. Давай, давай... перебирай пальцами – только так и движемся. Щёку для лучшего сцепления прижал. Покалывает.

Свонг...

Коридор крематория всё не заканчивался... или не начинался ещё... не понять. Всё равно. Всё вытянуто и ползёт куда-то, втягивая за собой Паркера.

Каждый шаг включал новую лампу. Запахло чем-то смолянистым... или... это он пальцами под носом провёл. Скользко так. Залоснилось.

Оттолкнулся от стены. Баланс поймал... бежать надо отсюда, скорее.

Больше колокольчики не дзынькали. Бежать надо!

Руки как-то невпопад болтались. Должны же к рёбрам прижаться, а нет – верёвками свисают, о бёдра бьются. Ладно, ладно... зато бежим.

А коридор-то не кончается. А тормозить-то как?! Если поворот найду – успею ли?

Попробовать надо. Не тормозится... как себя на место поставить?!

Волна паники заткнула шёпот, непрекращающийся.

Может, просто ноги расслабить? Тогда упаду?! Надо пробовать. Не ноги, а ходули. Останавливаются, колени кое-как подминают за собой. Шаркают ступни.

Проход слева или справа... проход, в общем. Он и выход должен быть. Туда идти – там колокольчик этот звенел.

Зашёл. Свет не включался. На ощупь идёт, руки перед собой поставил. Назад сил нет оглядываться.

Замерцало впереди, заблестело. Огонёчки попрыгали – красивые... схватить их надо, там спасение.

Почти поймал – огонёчек ускользал, меж пальцев пролетал.

Что-то дёрнуло за руку Паркера. Равновесие потерял.

И тяжёлое опустилось ему на голову. Заискрило в висках... заглушив шёпот в голове. Затухив огонёчки манящие.

Провалился страж в темноту.

Глава 17

Стон... покачивает... вздохнуть бы...

Душно так. Не шевельнуться.

Шеей вертит, щёки обо что-то трутся. Упираются.

Ногами надо, но и они не слушаются. Связаны?

Паника червём въелась в сознание Паркера. Забился он. Заистерил всем телом. Заорал так, что пар от дыхания почувствовал. Голос хриплый. Голос сломлен.

– КТО-НИБУДЬ?!

Тонут его слова, ударяясь о холщовую ткань перед лицом.

– ПОЖАЛУЙСТА!

Стук... да, точно был стук. Паркер слух напряг. Сердце так и билось, разгоняя по крови терпкий яд адреналина. Тук... тук... точно молоточком по чему-то твёрдому бьют. Тук... тук...

– ВЫ СЛЫШИТЕ?.. ЭЙ! Я СТРАЖ ЗАКОНА!

Тук... тук...

Щелчок раздался... Включили что-то?

Сквозь ткань оранжевый свет пробился – мерцает, и жарко так стало. Ногам особенно. Под себя пытается поджать – не выходит!

– ВЫ СЛЫШИТЕ?!

Потом вымазанный Паркер ёрзал, пытаясь выбраться. Но крепко, основательно привязан он был по рукам и ногам.

Что-то загрохотало, и покати́лся страж ближе к оранжевому свечению. Запылало, обжигая ступни.

Картину с кремацией отца подкинула память. Теперь сердце не билось – нет, оно шаркалось из стороны в сторону, распирая органы.

Лента толкала всё ближе к оранжевому зареву. Воздух куда-то весь пропал, будто выкачали. И зацепиться не за что. Зубами пытался Паркер схватить ткань. Дёрнуть. Разорвать. Не дотягивается... шея до последнего позвонка от напряжения изнемогла.

Нет, не было мыслей у Паркера, что так глупо всё и закончится. Если и была мысль, то только одна: вот что значит сгореть в адском пламени. Ни сожалений, ни раскаяния. Только выжить любой ценой. Предложи ему кто сделку – убить голыми руками в обмен на свою жизнь – он бы, не думая, исполнил. Только бы закончить этот жар, пожирающий его тело.

И тут лента заглохла. Вибрация, колышущая его спину, встала.

Паркер не совсем соображал, что происходит: обливаясь потом, затекающим ему в глаза и рот, он жадно хватал остатки воздуха. Краем уха... только краем он услышал странный звук – будто что-то бросили, а затем тот же мерный стук шагов удаляющихся...

Что это?.. Ум не находил ответов. Держаться за жизнь, выцарапать ещё драгоценные минуты – вот и всё. Вот что важно.

Ткань его чехла волнами прошла. Ощупывает кто... ищет что-то.

Чувствует Паркер, как руки быстро-быстро бегают... торопливо так.

Он голос пытается подать. Не может. Стонет только.

Наконец нашли пальцы то, что хотели. Дёрнули за собачку молнии, разводя ткань... хлынул воздух – сладкий такой. Бесценный.

Помутнело всё перед глазами. Показалось Паркеру, что он...

Глава 18

Макушка рыжих волос показалась, а за ней и испуганные глаза мальчугана.

Паркер проморгался. Зрение напряг.

– Ты?

Парнишка не ответил, только озирался и пытался помочь стражу. Расстёгивал ремни на руках и ногах.

Сглотнуть бы слюну, да в горле пересохло. Саднило так. Ногу перекинул, вторую... мир кружился, всё никак в единую картинку не собирался.

Свет мерцает, как стробоскоп.

Паркер тянется к поясу. Обшаривает. Рации нет. Электрошокера тоже. Везде пусто.

– За мной. Не отставай.

Парнишка дёру дал. Добежал до стены и в темноту нырнул. Паркер – за ним... всего трясёт, но двигается.

Сзади стук слышался. Интенсивнее. Громче! Эхом отскакивает от стен.

Бежать, бежать! Не оглядываться. Потом думать. Сейчас – спастись. Где этот мальчик, куда исчез? Опять темнота, снова на ощупь. По ноге его кто-то хлопнул. Шикнул. Пришлось пригнуться.

– Пригибайся и за мной.

На корточках сел... всё равно в эту дырку не пролезть, пришлось ползти, опираясь коленями о холодный ребристый металл. Сквозняк гулял, дышал в лицо. Затылок пришлось опустить, чтобы не задевать.

– Здесь направо.

К развилке подошли. Что это? Вентиляция или шахта какая? Идут в темноте – только мальчишеские пятки просматриваются.

– Стой!

Паркер в паутину влез. Шум слышался... нарастал с каждой секундой, и совсем скоро загрохотало. Что-то совсем рядом пронеслось и пропало в дырке внизу.

– Это мусор. Сейчас за мной. Вниз не смотри.

Мальчишка, раскачиваясь, перекинул руки. Подполз... ногами оттолкнулся.

Теперь очередь стража. Пошаркал нехотя... Из ямы тянуло мерзкой вонью. В нос ударило.

Не смотреть, не смотреть...

Паркер подошёл к самому краю. Впереди чёрным пятном мальчик просматривался. Где же тут край? Как руки перебросить – места для манёвра совсем нет... не разогнуться. Ладно, соберись... не так далеко. Мальчик смог – и ты сможешь.

Подполз ещё ближе... так, чтобы пальцы край почувствовали. Глаза от вони заслезились.

– Враскачку, вот так. – показал мальчик, подвигав телом.

Паркер повторил и, оттолкнувшись, зажмурился... пока не почувствовал под руками опору.

– Теперь ногами.

Сверху опять что-то загрохотало.

– Скорей!

Звук будто букву «У» уронили, и та неслась, рассекая воздух и наращивая децибелы: «уууууУУУУУУ».

– СКОРЕЙ!

Носками ботинок поскользился... Только оттолкнуться, давай же... Вот он край. Сжался пружиной весь. Мышцы огнём горели. ТОЛКАЙ!

Перемахнул в последний момент, и что-то в щель скользнуло, подняв пыль.

Закашлялись. Паркер не чувствовал сердце – оно как зашло в галопе на высоких оборотах, так и не останавливалось – «тук-тук-тук-тутут-тутут-тук».

Ползли дальше, ладошки сдирая. Коленные чашечки ныли. Поясницу ломило.

Сколько так ползти? Вот Паркер и спросил. Не вечно же так ползком по темноте ёрзать?

– Почти пришли.

Куда? Неужели так далеко коридоры Оазиса уходят? Не припоминал он, чтобы так далеко друг от друга отсеки находились. Может, есть потайные ходы? Лазы? Всё же бункер старый – кто знает, сколько в нём дверей и коридоров.

Что-то постороннее чувствовалось в воздухе... пыльное... а затем и ладошки заскользили по шершавой поверхности. Чихнул.

Мальчик остановился – это Паркер понял, когда упёрся в полной темноте в его ногу.

Привстал он и крышку верхнюю стал толкать.

– Помоги.

Паркер толкнул как следует, и металлический люк с лязгом отъехал, засыпав их землёй.

Волосы, брови, ресницы в пыли. Отплёвываются...

– Что это за место?

– Выход из Оазиса...

Глава 19

И не ослышался. Выход? Из Оазиса?

Стоп. СТОП! Всё в страже забурлило, запротестовало. Интуиция была тревогу. Орала во всё горло: одумайся, вернись! Всё можно решить! Пойдёшь дальше – наломаешь дров... что за напасть... угораздило же...

Да, из Оазиса изгоняют, если ты не самоопределился и не выбрал профессию... но чтобы самому шастать туда-обратно безнаказанно – таких прецедентов Паркер не помнил. Он сам первым бы побежал докладывать мэру. Латать дыры, чтобы навсегда остановить вольнодумцев... Есть же уклад... есть предписания. Попав наверх, обратного пути нет. Да даже если и вернёшься – навсегда в изолятор. Кто знает, какую заразу на себе принесёшь... ничего без последствий не бывает. Это страж давно уяснил и жил этой правдой, сколько себя помнил.

Чёрт... Паркер сплюнул – на душе было гадко. Вляпался же... и как? Голова ещё дымилась от выпитого седативного... а было ли оно успокоительным? Уж слишком странный эффект.

Проход сузился – пришлось переключиться на настоящее.

Паркер, сгорбившись, карабкался по крутым ступеням вверх. Ступени? Откуда... Разве всё за пределами Оазиса не превратилось в руины? И если так...

Страж поскользнулся и вовремя выставил руку. Поймал баланс. Мальчик на него посмотрел через плечо. Палец к губам приложил.

В паузе страж мысленно вернулся к моменту в крематории. Как таблетки подействовали – Свонг исчезла... Может, она тоже в беде? На выручку надо бежать, а не вверх стремиться... Не углядел Паркер и затылком что-то задел. Выругался.

Дышалось тут как-то странно. Воздух тяжелее был, с примесью какой-то. Паркеру не разобрать. Вот он и шёл, и в полумраке кисть натирал.

Что там его на поверхности ждёт? Готов ли он увидеть кошмар разрухи? Может, назад повернуть? Расследование завести? Это же просто недоразумение... Вопросы, вопросы, вопросы... Но помимо них было ещё и любопытство. Сколько он себя помнил, дальше промышленного блока не заходил. Не говоря о поверхности. В детстве – да. Было дело, фантазировал. Представлял, как выберется и с полчищами зомби будет сражаться. Весело было. Только вот как старше стал – фантазии иссякли. Не до них было. Да и жизнь одна, вот он и держался за неё.

Икры ныли – столько вверх топать. А мальчик бойкий, не жалуется, ползёт себе... точно он это много раз проделывал.

Разговор не клеился. Да и о чём говорить тут? Паркер подумал: а вдруг это сон? Странный такой, но всё же... Во сне же не понимаешь, что спишь, ведь так? А когда время пройдёт – он сладко потянется и из капсулы сна выберется. Зайдёт в зал правосудия, наведёт себе кофе. Выпьет... Эх, пить-то как хотелось. Новостями со Свонг обменяется...

Шаркнуло что-то под ногой и посыпалось. Стук камешков ещё долго эхом от стен отскакивал.

Паркеру глаза захотелось протереть – впереди мерцало что-то. На ниточки рваные похоже. Вглядывался и через спину мальчика смотрел. Что это? Появлялись и исчезали...

точно светодиодные ленты... В одной из следующих вспышек из темноты лицо мальчика озарилось. Испуганное... напряжённое.

– Что это?

Палец пацана к губе прижался.

Наблюдая за потоком всплывающих цветных нитей, они ждали, припав животами к рёбрам лестниц. Ждали, ждали... Только чего?

– Это удильщики, – прошептал он.

Паркер нахмурился.

– Кто?

– Удильщики – вид глубоководных рыб. Обитают на глубине от 1500 метров и...

Странный писк заставил его припасть ещё ближе к ступеням.

– Какие к чёрту рыбы? – так же, переходя на шёпот, спросил Паркер.

Дождавшись, когда очередная вспышка прекратилась, пацан продолжил:

– У этих рыб возле головы висит шарик света, который привлекает других рыб. Когда они подплывают слишком близко, удильщики их сжирают.

Страж всё ещё не понимал, при чём тут рыбы... свет... И он тяжело мог себе представить этот вид, что живёт в каком-то океане. Что такое океан? Резервуар, где много воды? Он смутно помнил голубое пятно, как-то попавшееся ему на глаза. Карта это была... Попечители тогда не вдавались в подробности. Не нужно было. Тогда при чём тут эти вспышки, что возникают и снова гаснут?

– Часть заражённых людей, когда провалились под землю и не смогли выбраться, стали как... удильщики. Мутировали. Их глаза, они как бы... выгорели и светят так.

Паркер хотел что-то спросить, уточнить... да что угодно. Только вот буквы как-то не клеились в предложения.

– А зачем ты мне всё это рассказываешь?

– Потому... – он выдержал ещё одну паузу, озарившую их более мощным светом. – Потому что нам нужно пройти через поселение удильщиков, чтобы выбраться отсюда.

Глава 20

– Ты шутишь?

Пацан стал отсчёт на пальцах вести, загибая по очереди: мизинец... безымянный.

В Паркере всё вздыбилось. Через них пройти... а если схватят? Цапнут? Сожрут, наконец...

Вот уже за указательным пальцем большой пошёл – и пацан с места сорвался, сыпанув на стража земли из-под пяток.

Вой поднялся нечеловеческий. Забегали огоньки, рыская по стенам, прощупывая взглядами нарушителей.

Так быстро Паркер не помнил, когда бегал, расталкивая на пути худых, будто щепки, монстров с искрящимися глазами. Лес рук... точно веточки – пытались ухватить, урвать, вцепиться в стража... Бежать! Всё говорило только об одном – бежать и не останавливаться.

Юркий парнишка уворачивался, как уж, извиваясь и отпрыгивая от тварей, кольцом окружающих незваных гостей.

Что-то цепануло и зажало Паркеру ногу. Потеряв равновесие, он почувствовал, как на мгновение отрывается от земли... легко так – и тут же, придавленный силой тяжести, валится на землю.

Обвились руки вокруг его шеи, стали царапать. Страж отбивался, разбрасывая щепки худых монстров.

Скрутившись и повиснув вокруг головы, что-то тонкое забегало по лицу и поползло к глазам. Два огонёчка из впалых глазниц подрагивали, извивались и липли к лицу Паркера. Заорав, страж спихнул тварь, перекатился на спину. Завизжал монстр протяжно, в самое ухо. Вонью вместе с брызгами слюны что-то налипло к волосам.

Вскочив на ноги, Паркер наугад бросился в сторону. Натолкнулся на стену. Снова схватили – и монстр, отдалённо напоминающий человека, повлёл за собой... втягивая в море из таких же полудохлых, полуживых тварей.

Паркер уже не пытался орать. Он мог лишь отталкивать и бить наотмашь.

Огоньки из глазниц вились вокруг него, плясали и стягивали в узел... Дышать... дышать становилось всё тяжелее. Что-то давило на грудную клетку. Свет замерцал...

Чувствуя около уха чужое дыхание, Паркер ещё раз наотмашь долбанул рукой... отлетела часть.

Бежать... но твари вцепились. Держались и, как прицеп, пристегнулись к живой силе.

Снова лица замелькали – старческие, с овальными черепами, беззубыми ртами и копошащимися в глазницах блестящими червями. Втягивало под себя это однородное убожество. Съедало беззубым ртом. Всё сдавило... От огонёчков уже не разобрать, кто где – всё слилось. Щепки облепили Паркера, обсасывая беззубыми ртами локти, руки... и тянули к земле. Он уже на карачки припал. Задыхается...

Внезапно что-то заурчало и заголосило над склонённой макушкой стража. Свет фонариков забрыкался и, поднявшись от Паркера, направился единым лучом в сторону. Постанывая, поползли тени в сторону голосящей твари.

Паркер встал... с шеи стекал клейстер из слюны, руки, ноги мокрые, склизкие... Чуть не упал он, скользя на месте. В свете увидел он дырку в полу... откуда они вылезли. Значит,

бежали по этому залу почти по кругу... А сейчас-то куда? Паркер стал лихорадочно оглядываться... искать щель или проём, но всё наглухо забетонировано. Куда сунуться?

Тогда осторожно он пошёл на зов, куда все твари поспешили...

Как же был рад Паркер, что давно ничего не ел, так как от увиденного в следующем зале стянулся узлом желудок... и спазмами прокатился по всей кишке.

Глава 21

На пьедестале высотой метров пять от земли возвышалась груда жировых складок. Визжащая. Живая. В свете мутных фонариков из глазниц монстров эта туша выглядела как большой сгусток лоснящегося жира. Руки и ноги угадывались с трудом, голова вращалась в тело, минуя шею.

Это был зал, напоминающий амфитеатр... с возвышенной сценой.

Паркер подставил кулак ко рту... икнул... припал на одно колено, и только отсюда, снизу, он видел, как за живым студнем виднеется копна рыжих волос.

Мальчуган, стоя за этой свиноматкой, тыкал её чем-то острым, от чего она редела и звала на помощь своё племя. Люди-щепки тянули к ней костлявые пальцы... протяжно выли и толкались, спеша на выручку. Карабкались друг на друга... падали.

Воняло в этом зале страшно, до горечи в горле. От свиноматки при каждом рёве клочьями отпадало что-то, напоминающее куски сырого теста. Свет из глазниц удильщиков блуждал по потолку, по своей королеве, безуспешно пытавшейся поднять руки.

Паркер, вертя головой, искал выход... и нашёл его в стороне от толпы скелетов. Щель, прорубленная в скале, выпирала чернотой. Туда, прибавив скорости, Паркер влетел в проём и, ударившись боком, стал пробираться, то и дело цепляясь затылком. Узко... От носа до мокрой и холодной поверхности скалы было не больше десяти сантиметров, пришлось двигаться медленно. Что-то постоянно капало на затылок и заливалось за шиворот...

До Паркера через дыру долетали эхом вопли королевы удильщиков... Под ногами хрустело. Шваркало. Вперёд... перебирая руками...

Страж во что-то вляпался и почувствовал, как от пальцев тянется что-то не то – смола, не то клей... тяжёлый такой и вязкий...

Выбравшись наружу, Паркер увидел свет одиноких мутных глаз, пугающих своим видом. Одряхлевшая старуха с завязками вокруг вислой груди прижимала к себе отродье, отдалённо напоминающее ребёнка... И такие же деточки в крохотном вольере верещали не хуже своей королевы...

Старуха зашипела на него, отошла вглубь загона, прикрывая собой детей.

Идя на ощупь, Паркер мыском ударился о что-то твёрдое. Поднял ногу... ступени. Придерживаясь за края стены, пошёл вверх.

Глаза понемногу привыкли, и сейчас отчётливее виднелись разводы на стенах... они блестели, помигивая малюсенькими точками.

Лестница закончилась быстро. Выйдя на что-то вроде балкона, Паркер увидел, как пацан мчался на всех парах в его сторону. Десятки глаз удильщиков светили на него, как прожекторы на беглеца из тюрьмы.

Пронёсшись мимо Паркера, он схватил его за куртку и рванул за собой.

Вернувшись туда, откуда пришёл, страж увидел край верёвки у самого потолка.

– Подцепляй и тяни! – закричал малец.

Пришлось прыгать. Схватил край, и на них сверху выпала верёвочная лестница. Первым покарабкался пацан. Паркер – следом. Лестница под весом стража выгнулась и оттопырилась.

Через метра два лестница упёрлась в края вырытой землянки, и ползти было так же узко, как пробираться во всех переходах удильщиков. Локти шаркались. Колени цеплялись за растительность. Сверху на Паркера падала земля...

Снизу доносились визги, но уже как-то приглушённо. Если бы не карабкающийся мальчик, приступ клаустрофобии накрыл бы Паркера.

Наконец что-то яркое, жёлто-прозрачное, упало на макушку рыжих волос, и пацан, подставив лицо, испачканное чем-то чёрным, с придыханием сказал:

– Выбрались.

Глава 22

Паркер вдруг осознал, каково это – подыскивать правильные слова... Неужели солнце можно сравнить с радиатором и направленным лучом лампы?

Тогда как же объяснить это чудо? Яркий диск, повисший в синем небе, резал и слепил глаза... Больше двух секунд так просто на него не посмотришь. А когда веки прикроешь, так солнце перед глазами всё ещё стоит... мерцает белыми всполохами.

Смешно стало стражу и страшно одновременно. До одури – вот он глупо и засмеялся, вытирая подбородок от вылетевшей слюны.

А небо вот, значит, какое... Паркер посмотрел в сторону на бескрайнюю простынь, на которой кое-где, как выбитый из-под пододеяльника пух, торчала вата... или что это?

– Облака. Правда красиво? – пацан сбросил ботинки, стянул грязные дырявые носки и впустил ступни в зелёный ковёр.

– А это не опасно?

– Что? Трава-то?

– Трава-а? – повторил страж.

Теперь уже смеялся мальчишка, держась за бок.

Паркер смутился. Закрылся. Перестал смотреть на небо и вперился взглядом в волосатые палки перед собой. Волосы на этих палках покачивались... Он вспомнил уроки в комнате звуков и догадался, что это прозрачное, но колышущее эти зелёные волосы – ветер.

Он прикрыл глаза. Кожа на лице нагрелась и сейчас приятно холодилась ветерком.

Страж отлично умел считывать опасность... но сейчас, в этом хорошо просматриваемом зелёном месте, было так спокойно и легко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.